

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. В. АНИЧЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В исследованиях, посвященных белорусскому языку, одно из главных мест занимает его история, которая для всякого языка, как говорил еще И. И. Срезневский, «потому важна, что без нее невозможна никакая другая история, если под историей понимать... науку, говорящую об обществе и об людях, бывших его представителями и двигателями»¹.

Научное изучение белорусского языка, достигшее в наше время значительных успехов во всех основных направлениях, все больше привлекает внимание исследователей славянского и неславянского языкознания. По вопросу отдельных исторических этапов развития белорусского языка, его внутрискруктурных связей и взаимодействия с соседними с ним или родственными ему языками высказываются разнообразные мнения, теории и гипотезы. Рассмотрим некоторые из них.

Тот факт, что древнерусский литературный язык явился исходным этапом в становлении старобелорусского литературного языка, не подлежит никакому сомнению. Характеризуя динамику и коммуникативные функции белорусского языка в далекие от нас времена, один из зачинателей и усердных его исследователей Е. Ф. Карский отмечал, что «в него по наследству от общерусской старины влилась еще стихия церковнославянская, книжная, перенесенная сюда вследствие непосредственной связи западно-русской духовной письменности в древнерусской»². Некоторые исследователи не склонны признавать древнерусский язык исторически неизбежным этапом в формировании старобелорусского литературного языка. Свое мнение они основывают на том, что древнерусский язык — это язык другой системы и другого качества, чем старобелорусский³.

При оценке роли системы языка как совокупности, части которой связаны между собой отношениями значения, формы звучания и т. п., важно разграничивать понятия живой народно-разговорной речи и литературного языка. В первом случае о белорусском языке можно говорить как о языке другой системы и другого качества, характеризующемся совокупностью специфических элементов (единиц), связанных своими семантическими, морфологическими, синтаксическими и фонетическими отношениями. Во втором случае важно учитывать продолжительное функционирование древнерусского литературного языка на территории восточных славян, в том числе и в пределах Белоруссии. Возникает вопрос: можно ли игнорировать древнерусскую традицию в процессе формирования старобелорусского литературного языка? Несомненно, последняя явилась закономерной основой и исходным этапом в формировании старобелорусского языка, который по мере своего развития и усовершенствования впитывал в себя и местные особенности, развившиеся в период древнерусского государства и последующей затем феодальной раздробленности. Это, разумеется, касается раннего периода развития старобелорусского языка, когда он испытывал заметное влияние древнерусских письменных традиций, составлявших известную норму. Особенно показателна в этом отношении деловая письменность Белоруссии XIV в., в которой нашли свое яркое отражение важнейшие традиционные средства и приемы письма, выработанные в древнерусский период. Встречающиеся в этих памятниках белорусизмы в виде описок авторов (писцов) не составляли тогда нормы книжно-письменного языка. Большинство тогдашних белорусских грамот подражало древнерусским терминологическим штампам и традиционным формулам. Достаточно сравнить здесь начало древнерусской грамоты великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 г. (се азъ Мстыславъ) с началом старобелорусской грамоты 1399 г. (се азъ князь великий Анофрей), чтобы убедиться в их одинаковых традицион-

¹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959, стр. 93.

² Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 134.

³ См. рец. Гумецкой Л. Л. на кн.: Журавский А. И. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы (т. I, Мінск, 1967), «Мовознаўство», № 4, 1968, стр. 85.